

ГЛ Классика лекций

Митрополит
Иларион
(Алфеев)

ШОСТАКОВИЧ
И МИКЕЛАНДЖЕЛО

*«Я оставляю сердце вам
в залог...»*



Издательство АСТ
Москва

УДК 78.03
ББК 85.313(0)
М67

Дизайн обложки *Ибрагим Халбаев*

Митрополит Иларион (Алфеев)
М67 Шостакович и Микеланджело. «Я оставляю сердце вам в залог...» / Митрополит Иларион (Алфеев). – Москва: Издательство АСТ, 2026. – 304 с. ; ил.– (Классика лекций).

ISBN 978-5-17-192201-6

Дмитрий Шостакович и Микеланджело Буонарроти. Два гения, разделенные четырьмя веками, встречаются в музыке — и эта встреча оказывается удивительно личной.

Почему на пороге смерти Шостакович обращается к стихам Микеланджело? Что он ищет в них — размышления о любви, одиночестве, вере и смерти? Был ли сам Шостакович верующим человеком? Как его сложные отношения с властью, женщинами и собственной судьбой отразились в музыке?

В центре книги — одна из самых загадочных и пронзительных страниц позднего творчества композитора — «Сюита на слова Микеланджело». Автор последовательно разбирает ее номера, всматриваясь не только в музыку, но и в судьбы двух великих художников, в историю создания произведения, в оригинальные тексты Микеланджело и их русские переводы.

Это не академическая биография и не сухой музыковедческий комментарий. Это личный взгляд человека, для которого музыка Шостаковича звучит с самого детства, а встреча с его творчеством стала частью собственной духовной жизни.

Книга о музыке, которая говорит о смерти, — и потому особенно остро говорит о жизни.

УДК 78.03
ББК 85.313(0)

ISBN 978-5-17-192201-6

© Митрополит Иларион(Алфеев), текст, 2026
© Государственный Русский музей, 2026
© ФГУП МИА «Россия сегодня», 2026
© Издательство АСТ, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

Часть I. Шостакович: штрихи к портрету

I. Шостакович и Микеланджело	16
II. Шостакович и власть	40
III. Шостакович и женщины	99
IV. Шостакович и религия	107
V. Шостакович и смерть	136

Часть II. Шостакович. Сюита на слова Микеланджело

I. Истина	156
II. Утро	165
III. Любовь	171
IV. Разлука	182
V. Гнев	188
VI. Данте	198
VII. Изгнаннику	215
VIII. Творчество	226
IX. Сон	245
X. Смерть	257
XI. Бессмертие	269

Заключение	278
------------------	-----

Примечания	285
------------------	-----

Использованные материалы	287
--------------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почему я решил написать эту книгу? Поводом послужил юбилей Шостаковича — 120 лет со дня его рождения. А причины носят, прежде всего, автобиографический характер.

Музыка Шостаковича сопровождала меня на протяжении всей жизни. Я слышал ее еще до рождения. Когда мама ожидала моего появления на свет, она слушала много классической музыки — преимущественно Баха, Брамса и Шостаковича.

Врачи говорят, что ребенок, находясь в утробе матери, откликается на звуки. При громких и резких звуках у него учащается сердцебиение. Рекомендуют женщинам, вынашивающим ребенка, слушать музыку гармоничную, успокаивающую. Говорят также, что ребенок уже на этом этапе своего развития способен подсознательно запоминать музыку и потом в течение жизни помнит ее.

Не знаю, насколько универсальны эти наблюдения, но в моем случае все было именно так. Моими любимыми композиторами на всю жизнь стали Бах, Брамс и Шостакович. Это очень разные композиторы. Если у Баха много гармоничной и успокаивающей музыки, то у Брамса ее меньше, а у Шостаковича совсем мало. Его музыка — по большей части напряженная, драматичная, трагичная, полная экспрессии и эмоций, иногда намеренно дисгармоничная и атональная. Но мне она с детства была понятна и близка.

В нашем доме была коллекция виниловых пластинок, бережно собранных папой и мамой, и проигрыватель, которым я очень рано научился пользоваться. Как рассказывает мама, прибегая зимой из детского сада, я первым делом, не раздеваясь, бежал к проигрывателю и ставил пластинку. А когда с меня пытались снять запорошенную снегом шубку, говорил возмущенно:

— Что же вы мне мешаете? Я Брамса слушаю.

Сам я этого не помню. Но хорошо помню, что в нашей коллекции пластинок был Шостакович, и уже в раннем детстве я слушал его квартеты: третий и четвертый. Легкая, элегантная, искрящаяся фа-мажорная

главная партия первой части третьего квартета запечатлелась в моей памяти с самого глубокого детства, как и ре-мажорная главная партия четвертого квартета.

Мне исполнилось девять лет, когда умер Шостакович. Я тогда поступил в третий класс музыкальной школы. К этому времени я познакомился со многими другими его сочинениями, в том числе с автобиографическим Восьмым квартетом.

С течением времени я открывал для себя все новые и новые произведения Шостаковича. В пятом классе я очень увлекся поэзией Федерико Гарсиа Лорки. Узнав, что у Шостаковича есть симфония, где использованы его слова, я упросил маму купить мне пластинку. Четырнадцатая симфония стала одной из моих любимых, особенно ее первые две части: величественная и скорбная «De profundis» («Сто горячо влюбленных вековым уснули») и стремительная, скерцозная, изобилующая рваными созвучиями «Малагенья» («Смерть вошла и ушла из таверны»).

В юношеском возрасте я переиграл на фортепиано все 24 прелюдии и фуги Шостаковича, написанные им после посещения Лейпцига и участия в торжествах по случаю юбилея Баха.

Уже в зрелом возрасте я открыл для себя Пятую симфонию Шостаковича. 18 июня 2018 года в Большом зале консерватории я имел счастье и честь дирижировать исполнением этой симфонии на концерте, который посвятил юбилею мамы. Это было одно из самых сильных эстетических переживаний всей моей жизни.



Дмитрий Шостакович. Симфония №14, виниловая пластинка



Митрополит Иларион в московской квартире Дмитрия Шостаковича у его рояля. Кадр из фильма «Шостакович — летописец эпохи». 2015

Одно дело — пассивно слушать музыку, и совсем другое — участвовать в ее исполнении. Уже на этапе знакомства с партитурой ты совершенно по-новому открываешь для себя музыку, которую ранее много раз слышал. Когда начинаются репетиции, ты имеешь возможность, работая с оркестром, подчеркнуть в музыке



то, что кажется тебе особенно важным и значимым. Итогом работы становится концертное исполнение, на котором в творческий процесс вовлекаются не только все до одного музыканты оркестра во главе с дирижером, но и публика. Ее дирижер чувствует спиной.

У дирижеров бывает очень разный стиль управления оркестром. Когда смотришь старые записи Мравинского, кажется, что этот дирижер — высокого роста, с длинными руками и пальцами — просто механически и равнодушно

отбивал такты. Совсем иное впечатление производит Бернштейн: он на дирижерском подиуме и прыгает, и танцует, его жесты энергичны, пластичны, он постоянно находится в движении, с его лица градом катится пот.

Оба они еще при жизни Шостаковича исполнили Пятую симфонию в его присутствии, но это были очень разные исполнения. Кода финала симфонии в исполнении Мравинского — мощная, величественная и трагичная. Бернштейн исполняет ее в два раза быстрее, у него она превращается в какой-то сногшибательный галоп.

Мой собственный дирижерский опыт в целом очень скромнен. Я никогда профессионально не учился дирижированию, но был период в моей жизни, когда раз или два в году я имел возможность дирижировать оркестрами — Большим симфоническим имени Чайковского, Национальным филармоническим, Московским симфоническим, «Виртуозами Москвы», оркестрами Новой оперы, Геликон-оперы и некоторыми другими, как российскими, так и зарубежными. Для концертов с этими оркестрами я выбирал музыку композиторов разных эпох: Баха, Вивальди, Перголези, Гайдна, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Шумана, Брамса, Грига, Элгара, Римского-Корсакова, Сезара Франка, Стравинского, Бартока, Хиндемита, Шостаковича, Арво Пярта.

Пятую симфонию Шостаковича мы исполняли с Московским государственным академическим симфоническим оркестром. Это произведение требует от дирижера полного напряжения всех эмоциональных и физических сил. Дирижер всегда должен «тянуть» за собой оркестр, и иногда это превращается в тяжелый труд, подобный труду бурлаков на Волге, изображенных Репиным. Но к Пятой симфонии это относится в особой степени. В разработке первой части есть сегмент, на котором темп постоянно ускоряется, и оркестр надо разгонять, как центрифугу, чтобы к нужному моменту музыка достигала нужной скорости.

Помню, что пот лился с меня градом не только во время концерта, но еще часа два после его окончания. Даже вернувшись домой, я долго не мог остыть. Может быть,



Московский государственный академический симфонический оркестр исполняет Пятую симфонию Дмитрия Шостаковича. Дирижер митрополит Иларион. Кадр из фильма «Шостакович — летописец эпохи». 2015

это было связано с отсутствием у меня достаточной натренированности, но мне кажется, что главной причиной было эмоциональное напряжение, какого я никогда в жизни не испытывал ни до, ни после того памятного вечера.

Впоследствии я вместе с командой студии «Неофит» сделал документальный фильм под названием «Шостакович — летописец эпохи», который был показан по телеканалу «Культура» в числе двадцати других моих фильмов о музыке и композиторах. Первую часть — рассказ о драматичных обстоятельствах, при которых создавалась симфония, — я записал в квартире Шостаковича, куда меня и съемочную группу любезно пустила его жена Ирина Антоновна. А вторая часть фильма представляла собой видеозапись того концерта в Большом зале консерватории, о котором я рассказал.

Таковы, в общих чертах и в конспективном изложении, мои встречи с Шостаковичем.

Почему для этой книги я выбрал в качестве основной темы его Сюиту на слова Микеланджело?

Во-первых, меня всегда интересовал поздний Шостакович — те его произведения, которые были написаны, когда он почувствовал приближение смерти. Это и Четырнадцатая, и Пятнадцатая симфонии, и последние квартеты, и Сюита на слова Микеланджело, и Альтовая соната. В них Шостакович осмысливает тему смерти так, как ее не осмысливал никто из его предшественников. Мы знаем много великих произведений на тему смерти: это и Реквиемы Моцарта и Верди, и «Песни и пляски смерти» Мусоргского, и Шестая симфония Чайковского. Но Шостаковича отличает совершенно особая интонация, он вносит свой собственный, уникальный вклад в музыкальное осмысление этой темы.

Во-вторых, для меня всегда оставалась загадкой религиозность Шостаковича. В его самых известных произведениях она вообще не просматривается, но в Сюите на слова Микеланджело религиозная тема присутствует. Был ли Шостакович верующим? Для меня как служителя Церкви ответ на этот вопрос важен.

В-третьих, сами тексты стихотворений Микеланджело и то, как эти тексты переводились на русский язык, представляют для меня интерес как для священнослужителя и богослова. Почему Шостакович на пороге смерти обратился к ним? Какие поправки он внес в перевод? По какому принципу из более сотни стихотворений выбрал те, которые использовал в сюите?

Наконец, огромный интерес представляет сама встреча двух гениев, каждый из которых ознаменовал своим творчеством завершение целой эпохи. Микеланджело был последним великим представителем высокого Возрождения: после него западноевропейское искусство начало развиваться в ином направлении. А Шостакович замыкает собой плеяду великих русских композиторов, начавшуюся с Глинки: после Шостаковича не было в России композитора, равного ему по масштабу. Сравнение двух гениев — очень привлекательная задача для исследователя.

В первой части книги будет рассмотрено несколько тем, имеющих отношение к содержанию Сюиты

на слова Микеланджело. Я начну с рассказа об истории создания сюиты. Далее, поскольку тексты некоторых включенных в нее стихотворений имеют политические обертоны, будет рассмотрена тема взаимоотношений Шостаковича с властью. Затем я остановлюсь на взаимоотношениях Шостаковича с женщинами, так как несколько стихотворений посвящены теме любви и имеют для композитора автобиографический подтекст. Поскольку в сюите присутствует религиозная тематика, будет сказано об отношении Шостаковича к религии. Наконец, будет рассмотрена тема отношения Шостаковича к смерти, поскольку в сюите она является сквозной.

Обращая внимание на детали биографии и отдельные аспекты творчества Шостаковича и Микеланджело, я отнюдь не претендую ни на полноту, ни на объективность. В книге будет представлен вполне субъективный, личный взгляд автора на двух великих гениев и на музыкальное произведение, которое их объединило. При этом, рассказывая о разных этапах биографии Шостаковича, я буду приводить цитаты из посвященных ему трудов и из воспоминаний современников.

Вторая часть книги посвящена последовательному разбору Сюиты на слова Микеланджело. Каждая глава этой части соответствует одному номеру сюиты.

Мое любимое исполнение сюиты — то, которое состоялось в 1976 году и было показано по телевидению (эта видеозапись сегодня доступна в Интернете). Партию баса исполнил Евгений Нестеренко, за дирижерским пультом стоял Максим Шостакович.

Мне посчастливилось близко знать обоих. Евгений Евгеньевич участвовал в первом исполнении моей «Рождественской оратории», и я провел с ним много часов, не только разучивая музыку, но и слушая его рассказы о прошлом. А Максим Дмитриевич присутствовал на одном из исполнений этого произведения в Крокус-Сити-Холле, после чего я неоднократно был у него в гостях, и мы много говорили о его отце.

ЧАСТЬ I

ШОСТАКОВИЧ:

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ